

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XVI Международный
съезд славистов

Белград, 20–27 августа 2018 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

МОСКВА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
2018

УДК 811.16
ББК 81.2
С47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик РАН *С. М. Толстая* (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН *Е. Л. Березович*,
доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
кандидат филологических наук *Г. П. Пилипенко*,
доктор филологических наук *А. А. Плотникова*,
кандидат филологических наук *М. Н. Саенко*

Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. редактор С. М. Толстая. — М.: ИСл РАН, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-7576-0417-6

DOI: 10.31168/0417-6

Книга включает доклады российских лингвистов, подготовленные к XVI Международному съезду славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.). В них обсуждаются актуальные вопросы лингвистической славистики — праславянская лексика и этимология, балто-славянские отношения, морфология и синтаксис праславянского языка, праславянское наследие в отдельных языках и группах языков, история и типология грамматических категорий, лексические и грамматические инновации в славянских языках, диалектология и ареальные связи славянских языков и диалектов, языковые и культурные контакты, семантика и символика языка народной культуры и др.

Для лингвистов и филологов широкого профиля и всех, кто интересуется славянскими языками и их историей.

УДК 811.16
ББК 81.2

ISBN 978-5-7576-0417-6
DOI: 10.31168/0417-6

© Тексты, коллектив авторов, 2018
© Российская академия наук, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ФОРМЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1. Введение

Исследование плюсквамперфекта в славянских языках в широком контексте (сопоставительном или типологическом) активно развивается сравнительно недавно. Однако уже в первые два десятилетия после поставившей эту тему работы [Молошная 1996] появился ряд принципиальных статей, затрагивающих различные аспекты темы, в том числе и связь плюсквамперфекта с такими категориями, как таксис, вид, модальность и залог (здесь нужно назвать прежде всего имена В. С. Храковского, Ю. П. Князева, М. Н. Шевелевой, А. Барентсена, П. В. Петрухина, Л. Попович и др.). Благодаря достижениям в типологии видо-временных категорий (ср., прежде всего, [Dahl 1985; Squartini 1999; Плуныян 2001, 2004]) «плюсквамперфектоведение», посвященное загадочному, во многих языках маргинальному и исчезающему реликту праславянской временной системы, стало полноправным разделом славистики. В 2013 г. появилась книга «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» [Сичинава 2013]. Вторая часть этой книги (соответствующая второй части заглавия) посвящена прежде всего современному восточнославянскому материалу, а также праславянской и древнерусской истории этих форм; только для них (и в меньшей степени для болгарских форм) привлечен широкий массив источников, в том числе корпусных. Формы остальных славянских языков там разбираются сравнительно кратко (включая первую часть, в рамках общей типологической картины), на материале небольшого

*Дмитрий Владимирович Сичинава,
Институт русского языка РАН (Москва);
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва)*

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-29-09154 офи_м «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов».

числа трудов предшественников (ср. обоснованную критику одной из наших ранних работ в [Поповић 2012]). В настоящей статье мы даем обзор того, что сейчас известно о славянских плюсквамперфектных формах в семантическом отношении, в типологическом и ареальном контекстах. К сожалению, объем статьи не позволяет обсудить многообразие форм плюсквамперфекта, а также остановиться подробнее на ареальной стороне вопроса; мы надеемся сделать это в дальнейших публикациях (ср. [Сичинава 2018в, в печати]). Привлекаются источники и данные, не использованные в нашей книге, в частности данные корпусных исследований (вслед за А. Барентсеном мы используем, в том числе, материалы многоязычного параллельного корпуса) и анкетирования информантов (подробнее о методике анкетирования см. в указанной статье).

2. Славянский плюсквамперфект в европейском типологическом контексте: общие свойства

Употребительность плюсквамперфекта в различных славянских языках существенно различается [Барентсен 2015а]; так, в четырех текстах из параллельного многоязычного корпуса ASPAC эта форма встретилась в верхнелужицких и болгарских текстах порядка 1000 раз (столько же или дальше больше, чем в таких языках средневропейского стандарта с согласованием и последовательностью времен, как английский или нидерландский), в хорватском языке — уже вчетверо реже, в сербском и в македонском — вдесятеро реже, чем в болгарском, еще несколько реже в словенском, а в западно- (кроме верхнелужицкого) и восточнославянских языках представлена в «следовых» количествах или не представлена вовсе (без учета плюсквамперфекта кондиционала, о котором речь пойдет ниже). Известна тесная морфологическая (а отчасти и семантическая) связь европейского плюсквамперфекта с перфектом, который также в параллельных текстах распространен неравномерно. Последний в языках Европы выступает в качестве «сильной» (с широким спектром значений наподобие английского), «слабой» (низкочастотная форма, в большинстве случаев вытесняемая простым прошедшим; наиболее частотное употребление, как показано в [Сичинава 2016], — экспериенциальное) или «расширенной» (захватывающей сферу простого прошедшего, как в немецком или французском) форм (терминология по [Плунгян 2016]). В большинстве славянских языков представлен «расширенный» перфект, а старые прошедшие времена (аорист и имперфект) отсутствуют. Основной формой плюсквамперфекта является форма с перфектом вспомогательного глагола, так называемая сверхсложная форма; об этом феномене с типологической и ареальной точки зрения см. подробнее

[Петрухин, Сичинава 2006]). Лишь в лужицких, болгарском и македонском оппозиция перфекта и других прошедших времен неплохо сохраняется. Описанное явление примерно коррелирует с зоной активного плюсквамперфекта (это верно и за пределами славянской группы: так, обе формы «слабы» в литовском или греческом).

3. Таксисное значение

Частотность плюсквамперфекта в тексте прямо зависит от обязательности его употребления в основном значении, каковым традиционно считается таксисное — обозначение ситуации, предшествующей некоторой точке отсчета в прошедшем (ср. [Comrie 1985]). Грамматики большинства славянских языков описывают плюсквамперфект как форму именно с таким значением, отмечая одновременно его факультативность и маргинальность в системе, архаизацию (имеются носители, особенно молодые, не употребляющие его вовсе; употребительность ограничивается письменным языком и т. п.). В чешском эта форма «устаревшая и исчезающая» [Havránek, Jedlička 1960: 248], она используется как «архаизирующее стилистическое средство» [РМС 2008: 317]; в хорватском плюсквамперфектные формы редки, вытесняются перфектом и применяются либо для архаизации стиля, либо чтобы «особо подчеркнуть предшествование в прошедшем» [Silić, Pranjković 2007: 193]; в польском уже в середине XVIII в. она начинает исчезать из живой речи [Klemensiewicz 1985: 620] и остается как маркированный элемент литературного языка; плюсквамперфект «прежде всего употребляется в стилистически изысканных литературных текстах, в текстах бытового характера он может не употребляться вообще» [Saloni 2007: 19]. По данным параллельного польско-русского корпуса в составе Национального корпуса русского языка, активное употребление плюсквамперфекта в польских художественных текстах прекращается в начале XX в.; в дальнейшем он является стилистической приметой отдельных авторов (например у А. Сапковского в романах, действие которых происходит в Средневековье, он является способом легкой стилизации исторического колорита; по-видимому, в схожей функции использует плюсквамперфект, например, и украинский исторический романист В. Малик, ср. [Сичинава 2013: 313]). В словенском языке, согласно [Herrity 2000: 182], «это очень литературная форма, стилистически очень ограниченная в употреблении; она более не используется в разговорном языке, где заменяется на перфект, часто с добавлением *že*»; «антепретерит (предшествование в прошедшем) обычно выражается у словенских писателей с помощью перфекта глагола» [Pogorelec 1961].

Уже в старославянском греческий плюсквамперфект (*ἐκβεβλήκει*) с таксисным значением может меняться на аорист: *Ѡви сѧ прѣжде Марии Магдалини, ѡ [sic] не ѡже изгъна ѡс [sic] бѣсъ* ‘(Иисус) явился прежде Марии Магдалине, из которой **изгнал** семь бесов’ (Мариинское ев., Мк. 16:9). Даже в современном болгарском, где употребление плюсквамперфекта в таксисной функции высокочастотно, он не является обязательным способом выражения предшествования в прошедшем, характерным для европейской «последовательности времен» [Ницолова 2009]. Например, во фразе *Казах ти, че **куних** книгата* [Ницолова 2009: 128] ‘Я сказал тебе, что **купил** книгу’ используется аорист. То же верно и для другого языка с «сильным» плюсквамперфектом — верхнелужицкого; при «относительной временной референции» (в отличие от «абсолютной») замена плюсквамперфекта на перфект даже в письменном языке относительно частотна [Faßke, Michalk 1981: 265]. Вообще в зависимых временных клаузах последовательность времен достаточно стандартно выражается обычным претеритом, как правило, совершенного вида, который уже в гипотаксическом режиме интерпретации [Падучева 2010] достаточен для обозначения таксиса предшествования (как это имеет место, например, в русском языке), ср. [Барентсен 2015б; Храковский 2015]. Показателен пример из параллельного корпуса («Винни-Пух» Милна):

Английский: «*Now listen all of you,*» said Rabbit when he **had finished** writing. ‘Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, **кончив** писать’ (пер. Бориса Заходера).

Болгарский: *Сега слушайте всички!* — каза Заю, като **престана** (аорист).

Македонский: „*А сега слунете сите*“, рече Зајачето, откако **заврши** (аорист) со пишувањето.

В следующем предложении из нашей плюсквамперфектной анкеты: ‘Он вернулся туда, откуда **начал**’ — наш боснийский информант дает однозначный перфект: *Vratio se odakle je i došao*. Для болгарского языка информант допускает два варианта, с аористом и плюсквамперфектом (*Той се върна там, откъдето започна / той се върна там, откъдето беше започнал*), указывая, что эти варианты одинаково естественны: «начинание» рассматривается с перспективы момента речи или «возвращения». Вместе с тем, по словам этого же информанта, плюсквамперфект «точно нужен» вне сложного предложения. В языках с более редким плюсквамперфектом жесткого требования нет и в этом случае. По гипотезе Т. Бергера [Berger 2012], в истории чешского языка закрепление видовой оппозиции привело к тому, что к XVIII в. претерит совершенного вида стал основным выражением предшествования и плюсквамперфект оказался ненужным. Факультативность плюсквамперфекта в таксисном значении отмечается и в более ранних

славянских текстах: например, уже в словенской Далматиновой Библии 1584 г., где плюсквамперфект употреблялся очень часто и местами даже более последовательно, чем в немецком переводе Лютера, он не полностью обязателен, так как «последовательность действий обычно более или менее ясно указана самим контекстом» [Mežše 1997]; в переводе 1791 г. уже большинство плюсквамперфектов меняются на перфект. В древнерусском летописании в значении предшествования в прошедшем плюсквамперфект активно конкурирует с перфектом [Петрухин 2004а].

Факультативность (или даже редкость) плюсквамперфекта и показателей ретроспективного сдвига в значении предшествования в прошедшем — типологически широко распространенная и господствующая (за пределами достаточно небольшого числа языков «среднеевропейского стандарта») ситуация; ср. описание таксисных конструкций в отдельных языках в [Храковский (ред.) 2009] и резюме в [Сичинава 2013: 24].

4. Результат в прошедшем

Как представляется, заметно определеннее выступает славянский плюсквамперфект в контекстах результирующего состояния в прошедшем, которое типологи отделяют от таксисного (ср. [Squartini 1999]). Как отмечает применительно к болгарскому плюсквамперфекту Ю. С. Маслов, «простого хронологического предшества [...] действиям основной линии повествования бывает недостаточно для употребления плюсквамперфекта. Употребление плюсквамперфекта особенно настойчиво проводится в тех случаях, когда для говорящего или пишущего важна та или иная связь данного более раннего действия с действиями или состояниями, входящими в основную линию повествования» [Маслов 1956: 241]. Плюсквамперфект исторически представляет собой перенесение в план прошлого значения славянского перфекта, которое, в частности, включало в себя семантику достигнутого состояния; диагностическим контекстом такого употребления («перфект-в-прошедшем») считается предложение с обстоятельством времени, которое относится к точке отсчета, а не к моменту действия. В болгарском и боснийском переводах предложение, восходящее к известной анкете из [Dahl 1985], получило безальтернативный плюсквамперфектный перевод: *Kogato se прибрах вчера, той беше написал две писма; Kad sam došao kući, on je bio napisao dva pisma* 'Когда я пришёл вчера домой, он написал [уже] два письма'. Этот контекст (без пояснения «уже») неоднозначен, и плюсквамперфект снимает данную неоднозначность; без него последовательность событий, скорее всего, выглядела бы противоположным образом. Ср. факультативность плюсквамперфекта в боснийском переводе с обстоятельством

времени, указывающем на момент действия: *Jeste li zatekli brata kod kuće? Ne, nismo imali sreće; otišao je / bio je otišao neposredno pred naš dolazak*. ‘Застали ли вы брата дома? Нет, нам не повезло; он **ушёл** как раз перед нашим приходом’, а также результативные предложения в литературном сербохорватском XX в. типа *Sunce je već bilo prevалило подне kad je ostavio varoš*. ‘Солнце уже **прошло** полдень, когда я покинул городок’ [Стевановић 1969/1989: 666]. В словенском языке, где в речи молодого и среднего поколения плюсквамперфект в целом утрачен, в устной речи старшего поколения отмечены предложения со значением результирующего состояния в прошедшем: *Ko sem jo klicala, je že bila pripravila recepte*. ‘Когда я ей звонила, она уже **приготовила** рецепты’ (сообщено М. Ухликом). «Возникновение нового состояния» считает семантическим признаком плюсквамперфекта в словенском Б. Погорелец [Pogorelec 1961: 153], а еще в XVI в. переводчик Библии на словенский в контексте достижения состояния приносит эту форму туда, где ее нет у Лютера [Merše 1997]. По примерам видно, что указание на последовательность событий может дублироваться наречием ‘уже’ (сербохорв. *veћ / već*, словен. *že*), создающим достаточный контекст: это промежуточная стадия утраты данной формы. Ср. указание на грамматикализацию этого наречия, замещающего плюсквамперфект, в [Thomas 2000]; при переводе ряда предложений наш информант из Боснии указал, что для передачи предшествования в независимой клаузе употребляются слова *prije (toga)* ‘для этого’; сербский информант заметил, что слова *pre, ranije* ‘раньше’ и *već* ‘уже’ синонимичны плюсквамперфекту, и их употребление вместе с плюсквамперфектом избыточно.

Интересен также пример выраженного в независимой клаузе состояния в плане прошлого из параллельного корпуса. Здесь плюсквамперфект выбран не только в болгарском и верхнелужицком, но и в тех двух славянских переводах (македонском и хорватском), в которых эта форма используется вообще редко, а также, для типологического (и в какой-то мере ареального) контекста, в переводе на неславянский литовский язык, где все формы перфектного ряда являются «слабыми». Такое независимое сходжение говорит о близости этого контекста к «инварианту» восточноевропейского плюсквамперфекта. По-видимому, в выборе плюсквамперфекта содержится также элемент снятия неоднозначности, хотя контекст (сам лексический выбор глагола ‘оставить’, логика повествования) здесь гораздо прозрачнее:

Английский: *And just when it was decided, Henry Pootel wriggled out of Kanga's arms and jumped to the ground. To his great joy Christopher Robin had left the door open*. ‘Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин **оставил** дверь открытой’ (пер. Б. Заходера)

Литовский: *Ir vos tik tai buvo nuspręsta, Bonifacas Pūkėlis ištrūko iš Kengos glėbio ir nušoko žemėn. Didžiausiam jo džiaugsmui, Jonukas buvo palikęs duris praviras.*

Хорватский: *I upravo kad su to lijepo riješili, Rujko Puščić izmigoljio je iz Kloina naručja i skočio na pod. Na njegovu golemu radost Christopher Robin bio je ostavio vrata otvorena.*

Македонский: *Веднаш итом го донесоа ова решение, Хари Путел се извлече од рацете на Кенга и скокна наземи. За негова среќа Кристофер Робин беше ја оставил вратата отворена.*

Особо четко результативное значение плюсквамперфекта проявляется в контексте определенных глаголов совершенного вида, перфектные (а затем претеритальные) употребления которых имеют фактически статальную семантику. Так, в древнерусском это метафорические употребления глаголов типа *подступити*, описывающих расположение географических объектов [Петрухин 2008: 233–234]¹. Ср. в польском языке XIX–XX вв. примеры вроде: *Chociaż front jeszcze w styczniu przeszedł był przez te strony* (J. Andrzejewski. Popiół i diament) ‘И хотя фронт *проходил* в этих местах еще в январе’ (перевод Н. Я. Подольской), или особенно с глаголами *zwyknąć, nawyknąć*, которые в прошедшем времени являются фактически показателями хабитуальности (ср. англ. *used to*).

5. Аннулированный результат

Типологически хорошо известно, что плюсквамперфектные формы помещают ситуацию в неактуальный временной интервал (frame past или past temporal frame: [Dahl 1985; Squartini 1999], или discontinued past [Plungian, Auwera 2006]). Это логически «усиленное» выражение прошедшего времени; если «стандартное» прошедшее время в языках мира ничего не говорит о (не)сохранении ситуации, имевшей место в прошлом, в момент речи (ср. *Вчера был дождь* или языковую игру типа *С утра был вторник*), то «неактуальное» прошедшее эксплицитно утверждает нечто о некотором последующем моменте, в котором ситуация изменилась. Почти дословно такое описание используется для плюсквамперфекта в украинском языке в [Русановский (ред.) 1986]; схожие толкования применяются и к исчезающим формам в чешском («обозначение действия в прошедшем, которое перестало иметь место или перестало иметь место его последствие» [MSJ 1966: 533], «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» [Широкова 1961: 230]) и словацком («подчерк-

¹ О значении ‘перфект в прошедшем’ в древнерусском плюсквамперфекте см., особенно, [Шевелева 2007, 2015].

нутое выражение плана прошлого» [Hořák 1964; Паулини 1982: 137; Маслов 1984/2004: 233]).

Класс употреблений, связанных с аннулированием достигнутого результата (частный случай «антирезультативных» значений [Плунгян 2001]), известен в большом числе языков мира [Dahl 1985] и на славянской территории является очень древним. По Г. А. Хабургаеву [Хабургаев 1986: 204–205] (причем в 1-м изд. его учебника «Старославянский язык» [Хабургаев 1974: 285–286] еще дается традиционная таксисная трактовка), «... в сохранившихся рукописях плюсквамперфект встречается довольно редко; а его употребление, как правило, подчеркивает отмену, недействительность прошлого действия или состояния к моменту последовавшего за ним действия или в связи с последующим (прошлым) состоянием, т. е. напоминает современные русские конструкции типа *хотел было, но...*»: *изгыблъ бѣ* и *обрѣте са* (Остромирово ев., Лк. 15:32) ‘потерялся было, но вновь нашелся’ («без этого оттенка плюсквамперфект здесь вообще неуместен, ибо две формы аориста в той же последовательности уже означали бы: ‘сначала пропал, а потом нашелся’») [Хабургаев 1986: 205].

Обычна эта функция в древнерусском (ср. Слово о полку Игореве: *Ти бо два храбрая Святъславича Игорь и Всеволодъ уже лжу буди[ста], которую то бѣше усилиъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Кіевскій — грозою бѣшетъ притрепеталъ*), в том числе в перформативных предложениях в деловой письменности, где одна эта форма сигнализирует об отмене некоего акта или распоряжения (см. [Петрухин 2013]). Активно значение аннулирования результата и в «простой мове» Великого княжества Литовского и отчасти сохраняется в современном украинском и белорусском, а также в русском языке XVIII в., в то время как для современного русского значение «чистой» отмены результата (*Дом сгорел было, но отстроен*) в финитных предложениях не столь характерно; подробнее см. [Сичинава 2013: 218–219, 306–310]). В [Стевановић 1969/1989: 669; Thomas 2000; Поповић 2012: 116] отмечено, что такие употребления («деактуализация») являются одними из самых обычных в сербохорватском (и его языках-наследниках). Ср. их наличие в наших анкетах по сербскому и боснийскому: *Ja сам (био) изгубио пасош, али сам га нашао*; *Bio sam izgubio pasoš, ali sam ga našao*. ‘Я потерял паспорт, но нашел его’ (безальтернативно); *Ja сам била купила ципеле, али сам их вратила назад*; *Kupila sam / Bila sam kupila cipele, ali sam ih vratila*. ‘Я купила туфли, но отнесла их обратно’. Информант — носитель куклицкого диалекта (остров Угљане, Хорватия) указывает, что предложение ‘Я потерял паспорт, но нашел его’ может быть передано только как *Bi san izgubi osobnu, ali san je našo*, так как *izgubi san osobnu* подразумевало бы, что паспорт еще не найден (это единственный случай, когда плюсквампер-

фект в его анкете обязателен). В болгарском плюсквамперфект в этих предложениях анкеты факультативен и зависит от того, относится ли первое событие на передний (аорист) или задний (плюсквамперфект) план, но при этом он чуть более естественен, чем аорист, в контексте, когда говорящий признает свою ошибку: *Кой донесе млякото? — Ами че ти го донесе. — А, да, бях забравил (забравих)!* ‘Кто принёс молоко? — Ты сам и принёс. — Ах да, я забыл!’

В языке словенской Библии XVI в. одной из функций плюсквамперфекта является неактуальность результата события [Merše 1997: 15], например, в контексте «Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь предавал (*bil dal*) тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа» (1 Цар. 24:11); характерен несовершенный вид в русском синодальном переводе. Аннулированный результат маркируется в ряде контекстов плюсквамперфектом в польском (противопоставление временных планов). В примере ниже форма плюсквамперфекта переводит русскую частицу *было* (которая, как это для нее характерно, отменяет результат в составе причастного оборота), хотя в подавляющем большинстве контекстов с финитным глаголом такого соответствия нет: *Szpitalni kamraci Denisowa, którzy otoczyli byli Rostowa — człowieka świeżo przybyłego z wolnego świata — jęli się po trosze rozchodzić, gdy tylko Denisow zaczął czytać swe pismo* ‘Госпитальные товарищи Денисова, **окружившие было** Ростова — вновь прибывшее из вольного света лицо, — стали понемногу расходиться, как только Денисов стал читать свою бумагу’ (Л. Толстой, пер. А. Stawar).

6. Прекращенная ситуация и проблема несовершенного вида

Аннулированный результат обычно (если не считать итеративных контекстов) передается предельными глаголами совершенного вида. «Парным» к нему употреблением является так называемая прекращенная ситуация, которая кодируется глаголом в несовершенном виде (ср. в старославянском [*Мариѣ*] *видѣ дѣва айѣла въ бѣлахъ сѣдмита, единого оу главы и единого оу ногоу; идеже бѣ лежало тѣло Иѣво*, Мариинское ев., Ин. 20:12) и в целом в славянских языках редка. О виде и плюсквамперфекте в славянских языках см. специальные работы [Барентсен 2015б] и [Сичинава 2018б].

В русском языке несовершенный вид сочетается с частицей *было* в основном с глаголами желания и попытки: *хотел было, собирался было*. Уже в болгарском такое, по данным нашей анкеты, невозможно: *Исках (*Искал бях) тази нощ да отида на разходка* ‘Я хотел было

пойти этой ночью погулять [но не пошел]’ (ср. возможность в боснийском: *Bio sam htio / htio sam otići prošetati po noći*), причем с практически синонимичным глаголом совершенного вида плюсквамперфект допустим: ^{ок}*Бях решил тази нощ да отида на разходка ‘Я решил было...’*. В приведенном выше евангельском контексте плюсквамперфект в болгарском тексте используется, поскольку имперфект имел бы таксисное значение одновременности: *...където (по-рано) беше лежало тялото на Исус* [Барентсен 2015б]; широко употребим болгарский плюсквамперфект несовершенного вида в контексте неактуальной экспериенциальности (см. ниже).

В истории русского языка сочетаемость несовершенного вида с плюсквамперфектом ощутимо сокращалась. В древнерусском преобладающей была форма совершенного вида, а из глаголов несовершенного вида использовалось лишь ограниченное количество, прежде всего *слышати, быти, жити, видати* [Чернов 1961: 61]. Позже становится лексикализованной формула *жили-были* (см. также ниже; в некоторых говорах это сочетание сохранилось: муромское *У мен’а нѣ былъ въвѣихъф-тъ при нѣй, когд’а она́ жыла-тъ была́*, ср. также данные северных говоров в [Пожарицкая 2015]), а в XX в. исчезают конструкции типа *шел было* и *говорил было* [Сичинава 2013: 216–218]. В «простой мове» Великого княжества Литовского почти все формы с *был-* стоят в совершенном виде, причем в судебных книгах ВКЛ рядом может находиться словоформа несовершенного вида, относящаяся к тому же моменту, в обычном претерите (Ф. Р. Минлос, личное сообщение). Из современных языков форма плюсквамперфекта НСВ отмечена в сербохорватском, особенно в ранних текстах и фольклоре ([Стевановић 1969/1989: 670–671]; ср. также выше боснийский пример) и словенском ([Toporišič 2000: 399], причем опять-таки чаще в языке XVI в. [Merše 1997: 15–16]), хотя и там, и там относительно редка. В словенском литературном языке начала XX в. интересно терминативное значение (*so bili že večerjali* ‘они уже отужинали’, *smo bili že molili* ‘мы уже кончили молитву’). А. Барентсен предполагает, что сужение употребительности плюсквамперфекта в несовершенном виде связано с тем, что ретроспективное восприятие ситуации более естественно в целостно представляющем ее совершенном виде (чем в несовершенном, помещающем «окно наблюдения» внутрь ситуации). Исключением является история чешского языка, где в древнечешский период глаголы совершенного вида решительно преобладают (95–97%), а в литературном языке времен национального возрождения XVIII–XIX вв. их доля падает до 69–77% (см. статистику [Чернов 1961: 80–81]). По гипотезе Т. Бергера [Berger 2012], это связано с закреплением и однозначностью таксисного значения у совершенного вида, в то время как несовершенный вид может означать и одновре-

менность. Сохранение же плюсквамперфекта совершенного вида Бергер объясняет немецким влиянием. В работе [Сичинава 2018б] мы показываем, что абсолютно-относительные времена (плюсквамперфект и предбудущее, о котором в связи с видом см., в частности, [Пенькова 2018 (наст. сб.)]), эволюционируя семантически в сторону некомпозициональной нетаксисной интерпретации, сужают и сочетаемость с видами: так, и в русском (конструкция с *было*) и в меньшей степени в сербохорватском характерен семантический дрейф в сторону антирезультативного значения.

7. Нарушение нормального хода ситуации

Конструкция с русским *было* представляет собой расширенный (и несколько ослабленный) вариант показателя неактуального прошедшего: она описывает «нарушение нормального хода» [Varensen 1986] некоторой широкой «макроситуации» [Князев 2004]. Возможны следующие сценарии: ситуация задумана, но не осуществляется; она началась, но пресекается «на корню»; ситуация может осуществиться, но ожидаемые «инерционные» последствия («возможные миры») не имеют места [Kagan 2011]. Принципиально схожа (при наличии ряда семантических архаизмов, а во многих идиолектах и таксисных употреблений) ситуация с украинским и белорусским плюсквамперфектом (см. [Сичинава 2013: 304–306; Храковский 2015]). При переводе форм плюсквамперфекта в других языках (не только средневропейского стандарта, но и, скажем, весьма своеобразного плюсквамперфекта в греческом тексте Евангелия) частица *было* в русском языке (почти) не возникает и плюсквамперфектом на другие языки не переводится; у нее иные стимулы и модели перевода — глаголы попытки, обстоятельства непродолжительного протекания ситуации и т. п. [Сичинава 2013: 268–271; Барентсен 2015б].

Тем не менее прагматические импликатуры (о роли импликатур в семантике плюсквамперфекта см. [Майсак, Татевосов 2001]), предполагающие нарушение нормального развития событий и напоминающие русское *было*, есть и в южнославянских языках. Например, при переводе предложений нашей анкеты *Давным-давно люди придумали буквы; Жили-были дед да баба. Однажды дед пошел ловить рыбу... на болгарский язык при выборе, соответственно, плюсквамперфекта (Хората бяха измислили буквите преди много време) или сверхсложной формы, являющейся аористом или плюсквамперфектом пересказывательного наклонения (Ведньж дядото бил отишъл за риба), предполагаются продолжения, соответственно: «... а этот полез с предложением писать иероглифами», «... а старуха заметила, что в доме нет лука». В сербохорватском [Стевановић 1969/1989; Поповић 2012] та-*

кие примеры также есть: *Пошли смо били, али нас је једна четничка патрола скренула с пута* (М. Лалић, Лелејска гора) ‘Мы **пошли было**, но нас один патруль четников заставил повернуть с пути’; *Група људи покушала је била да се пробације мимо жандармеријског кордона који је стајао на плочницима* ‘Группа людей **попыталась было** обойти кордон жандармов, стоявший на мостовой’.

8. Авертивное значение

По-видимому, поздним и нетипичным для славянской территории является авертивное значение («недостигнутый результат»), активное в русском языке XVIII в. (*я умер было от желудка*, см. [Сичинава 2013: 219–221]) и сохраняющееся в говорах: *Он ф сельсовети одну с мосту* (‘с лестницы’) *был спустил* (муромские говоры, запись А. В. Тер-Аванесовой) [Тер-Аванесова 2016]; *Мы был* [sic! неизменяемая частица, застывшая в форме м. р.] *померли в сорок шестом гаду* (Задонский р-н Липецкой обл., запись И. И. Исаева и О. Е. Кармаковой). В современном литературном языке для него требуется наречие *совсем* или *уже*: *Я, деточка, совсем было погиб* (Б. Окуджава) или специальная конструкция *чуть было не* с факультативным *было*, о которой см. [Козлов 2015]. В польском языке в этом значении нам встретился плюсквамперфект конъюнктива — что неудивительно, ибо такие контексты по сути ирреальны: *O widzi pan, bylbym zapomnial* (J. Andrzejewski) ‘А, **чуть было совсем не забыл...**’

9. Экспериментальное значение

С неактуальным прошедшим связано и употребление плюсквамперфекта, казалось бы, в противоположном значении — экспериментальном. Дело в том, что чаще всего здесь речь идет о прошлом опыте человека, который отменяется недавней ситуацией (так называемый «неактуальный экспериментал» [Вострикова 2010]): *и прослави Бѣ . ѿ бывшемъ не бѣ бо никоторыи князь . Роускыи воевалъ землѣ . Чѣшьское* ‘и прославил [после похода в Чехию] Господа за все случившееся, ибо [еще] ни один русский князь не воевал чешскую землю’ (Галицко-Волынская летопись по Ипат., 1254, л. 276об.). Это значение хорошо иллюстрируется болгарскими, македонскими и сербскими примерами из анкеты RQRQ: *Никога не съм пил вино / Јас никогаш немам пиено вино / Ја никад нисам пио вино* (перфект) ‘Я никогда не **пил** вина [и сейчас не буду]’; *Никога не бях пил вино / Никогаш немав пиено / Ја никада нисам био пио вино*². ‘[Попробовав первый раз вино]. Я никог-

² Различие проведено только в части сербских и хорватских анкет; в анкетах других информантов оба контекста переводятся одинаково.

да не **пил** вина'. Ср. также в зависимом предложении: *И изведньѣж ми се стори странно, че досега не бях чул нищо за него* [Ницолова 2009: 125] 'И вдруг мне показалось странным, что до сих пор я не **слышал** ничего о нем', или, с эксплицитным противопоставлением позднешему опыту: *Да, аз убих двама души турци; аз, който муха не бях убивал* (И. Вазов) 'Да, я убил двух турок, я, который (раньше) и мухи не **убивал**' (ср. аналогичный пример с тем же глаголом из того же автора [Маслов 1956: 242]).

В дальнейшем значение «неактуального экспериенциала» может распространяться и на экспериенциальность в целом, что объясняет выбор плюсквамперфекта во многих языках мира. Восточнославянский сверхсложный плюсквамперфект сохраняет экспериенциальные значения в западноукраинских [Толстая 2000] и русских говорах [Пожарицкая 2015]. Интересен пример из параллельного корпуса: *Ale spytaj się swego ojca, w jakie położenie **popadł był** kiedyś, kiedy to zamierzał zstępować...dźwigać...* [Eliza Orzeszkowa. Nad Niemnem (1886–1887)] 'Но спроси у своего отца, в какое положение *popadł* он однажды, когда **вздумал было** просвещать народ... снисходить к нему?' (пер. В. Лаврова, 1896 г.): здесь при переводе на русский язык частица *był* добавлена к глаголу попытки (что для польского языка не характерно), а польский плюсквамперфект ('была такая ситуация, что он попал') переведен простым прошедшим. В следующем примере из многоязычного корпуса акцентируется повтор некоторого действия в прошлом — так называемый ямитив (термин Э. Даля, от лат. iam 'уже'). Здесь форма встречается в том числе в языках со «слабым» плюсквамперфектом — хорватском и белорусском, а также в привлеченном для типологического фона литовском:

Английский: «*Many happy returns of the day,*» called out Pooh, forgetting that he **had said** it already 'Желаю много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это **говорил**' (пер. Б. Заходера; обратим внимание на общефактический несовершенный вид).

Литовский: — *Širdingai linkiu tau viso labo! — šaukė Pūkuotukas, visai užmiršęs, kad šiandien jau **buvo sakęs** tą patį.*

Белорусский: — *Зычу здароўя і радасьці, — усклікнуў Пых, забывышыся, што ён ужо **навіннаваў быў** Іа раней.*

Хорватский: — *Moje iskrene želje za tvoj rođendan — dovikivao je, zaboravivši da **je** ovo već **bio rekao**.*

10. Дискурсивные функции

Несомненно, центральное место в употреблении славянского плюсквамперфекта занимают его дискурсивные функции; «плюсквамперфект (в любом языке) — «дискурсивная категория par excellence», для

анализа которого нужен анализ контекста [Петрухин 2008: 214], причем форме могут приписываться различные интерпретации в зависимости от глубины этого контекста (например, могут конкурировать эвиденциальная и ретроспективная интерпретации: [Андрійв 2016]). В [Rogorelec 1961] отмечается, что словенский плюсквамперфект, акцентируя внимание читателя на соотношении событий, примыкает скорее к «экспрессивным» формам глагола (наклонения, пассив), нежели к собственно временным. В целом в языках мира плюсквамперфект (и показатели ретроспективного сдвига) маркируют ситуации, выпадающие из общей нарративной цепи, причем выполняют две противоположные функции — как выдвигания ситуаций на передний план (*foregrounding*), так и изложения фоновой информации (*backgrounding*), в том числе дигрессивных фрагментов [Плунгян 2004]. Известен даже случай (средневековая испанская повесть «Граф Луканор», [Klein-Andreu 1991; Петрухин 2004б]), где в тексте выступают две формы плюсквамперфекта, одна из которых отвечает за фоновую информацию (старая синтетическая форма на *-ra*), а другая за актуализацию (новая аналитическая). Как несколько импрессионистически отметил П.-Л. Тома, сербохорватский плюсквамперфект «задерживает читательское внимание и вводит элемент напряжения» [Thomas 2004]; сходное употребление (маркирование «темпа» повествования) наблюдается, например, в современной итальянской прозе [Bertinetto 2014].

В древнерусских текстах «летописец использует плюсквамперфект в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [Петрухин 2008: 231] (ср. также [Скачедубова 2016: 282–283]); в текстах на «простой мове» «маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой “завязке”» [Жукова, Шевелева 2010: 185].

С типологической точки зрения плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг являются одними из главных способов выразить дискурсивную функцию «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2013: 104–124] — частный случай *backgrounding*, маркирование начала рассказа. Классическим остатком этой функции является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007]. Зачинная функция известна и в древнерусских берестяных грамотах, и в белорусских говорах [Сичинава 2013: 308]. В словенской Библии XVI в. [Merše 1997: 13] плюсквамперфект маркирует первое звено «цепи событий» (пример начала эпизода: «Рувим пошел (*je pak bil shal*) во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей», Быт. 30:14).

Существует правдоподобная гипотеза, согласно которой у плюсквамперфекта есть и симметричная функция подведения итогов и «суммирования» повествования в эпилоге (ср. на материале немецкого и украинского языков: [Андріїв 2016: 104–105]), однако для ее доказательства нужно больше примеров и типологического контекста.

11. Информационная структура предложения

Последние исследования на материале корпуса показывают [Сичинава 2018a], что русское *было* является показателем фокусного (рематического) выделения глагола в предложении (ср. схожие выводы с иной аргументацией в [Попова-Боттино 2009]). Порядок слов VS типа *пошел было Пётр* связан с дислокацией ремы (ср. [Падучева 2016]), с комментированием прямой речи и рядом других особых случаев, в том числе с «тетическими» нерасчлененными предложениями, вводящими объект в рассмотрение (именно такой порядок засвидетельствован в предложениях, вводящих объект в рассмотрение при помощи плюсквамперфекта, и в древнерусских текстах). В сербохорватских текстах у плюсквамперфекта есть функция маркирования нового («контрастивного») топика [Поповић 2012: 135]: *Четрдесет девете на првенству Србије у валтер-категорији био сам велики фаворит, али сам елиминисан још у предтакмичењу: он ме је тобио пресео*. Та же форма оставлена и в украинском переводе: *У сорок дев'ятому на чемпіонаті Сербії в середній категорії я був великим фаворитом, але був вилучений ще у відбірковому: це він мене був перестрів*. 'В сорок девятом на чемпионате Сербии в средней категории я был большим фаворитом, но отсеялся еще на отборочных: это он мне перешел дорогу'. Действительно, выделительное значение сильного акцента, неожиданного действия имеется в украинском языке: *Де вже йому до ікони, коли сюрприз такий викинув, що паски заборонив був пекти...* (М. Кулиш, 1928) 'Где уж ему к иконе, коли сюрприз такой выкинул — куличи запретил вдруг печь...'.

Акцентное выделение сочетается и со значением предшествования или результата в прошедшем. Так, в словенском языке плюсквамперфект особо контрастно выделяет результат действия в прошлом: *Od daleč je bila prišla mati; iz vasi je prišla...* (I. Sankar) 'Издали пришла мать, пришла из деревни' (в первом случае подчеркивается самоотверженность персонажа) [Pogorelec 1961].

12. Ирреальность

Типологически известны также неиндикативные употребления плюсквамперфекта: модальные (а именно ирреальные) и эвиденциальные. Первые распространены прежде всего в аподосисе и/или протасисе

контрфактического условного предложения — согласно [Плунгян 2004], здесь они диахронически связаны с дигрессией и выбором между различными возможными цепочками событий. Славянские языки демонстрируют тут большое разнообразие. В болгарском языке используется обычный плюсквамперфект в протасисе контрактивного предложения, как в языках средневропейского стандарта (*Ако беше дошъл навреме, нямаше да загубим* ‘Если **бы** ты **пришел** вовремя, мы бы не проиграли’, из анкеты), известны такие случаи и в верхнелужицком, хотя и не закреплены нормой [Werner 1996: 138], в боснийском — факультативный кондиционал плюсквамперфекта в аподосисе (то же предложение: *Da si došao na vrijeme, ne bismo (bili) izgubili*), в словенском — он же в протасисе (*Če bi bila vedela, kako so dobre, bi jih več kupila* ‘Если **бы** (я) **знала**, какие они хорошие, купила бы их больше’, пример сообщен М. Ухликом), в украинском — он же в обеих частях предложения (*Коли б Леон учув був таку бесіду при других, він би, певно, був насміявся з неї* (І. Франко) ‘Если бы Леон **услышал** эти слова при других, он, наверно, **посмеялся бы** над ними’). Контрфактические употребления (как и в неславянских языках, например нидерландском или шведском, [Сичинава 2013: 34]) могут выступать и вне условной конструкции, ср. пример из изданной в 1932 г. во Львове «Голубой комнаты» П. Мериме в переводе В. Софронива: — *Левку, яке щастя! Ніколи не булаб я тебе пізнала під тими темними шклами. — Яке щастя! — сказав Левко. — Ніколи не був би я пізнав тебе під цим чорним серпанком.* ‘— Леон, Леон, какое счастье! Я никогда **бы** вас не **узнала** в этих синих очках! — Какое счастье! — ответил Леон. — Я **бы** никогда не **узнал** вас под этим черным вуалем!’ (рус. пер. М. Кузмина³). Ирреальные употребления кондиционала имеются в современном чешском, словацком, польском, где в иных контекстах плюсквамперфект практически не встречается, ср. чешский пример (в параллель с аналогичным словенским) из многоязычного корпуса:

Словенский: *Vsak izmed vas — razen Zajca, Sove in Kenge — bi bil storil isto.*

Чешский: *Kdokoli z vás — až na Sovu, Králička a Klokánici — by byl učinil totéž.*

‘Любой из вас, за исключением Кролика, Совы и Кенги, на моем месте **поступил бы** точно так же’.

Редкая праславянская форма плюсквамперфекта на *by* дала начало и самому славянскому условному наклонению, выступающему, как правило, в обеих частях ирреального условного предложения (см. под-

³ В оригинале Мериме использована форма Conditionnel passé: *Léon, quel bonheur! Jamais je ne vous aurais reconnu sous ces lunettes bleues. — Quel bonheur! dit Léon. Jamais je ne vous aurais reconnue sous ce voile noir.*

робнее [Сичинава 2004; Крысько 2011]). В словенских пограничных диалектах как ирреальная форма грамматикализуется плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола (по-видимому, под итальянским влиянием: [Benacchio 2002; Петрухин 2004в]).

Сверхсложная форма в чистом виде (без **by*) выступает в ирреальной функции реже; это явление отмечено в словенских бовецких (северо-запад страны, ср., например, [Ivančič Kutin 2004: 181–182]) диалектах: *Saj sem bila rada šla, pa nimam avta* ‘Потому что я бы туда с удовольствием поехала, но у меня нет машины’.

В польском (а также в украинском и белорусском; об украинском подробнее см. [Андріїв 2016: 145 и след.]) плюсквамперфект оформляет прошедшее время модальных глаголов (*Ulewa musiała była przejsć* ‘Дождь, **должно быть**, перестал’); подобная ненормативная форма (*могло было, следовало было*) известна и в русском. Кроме того, на восточнославянской территории плюсквамперфект кодирует такие разные модальные функции, как вполне обычное типологически смягчение категоричности и вежливую просьбу (украинский, русский язык XVIII в.: *Я пришегъ-было къ тебѣ за тѣмъ, чтобъ услышать, какъ мнѣ можно быть щастливымъ* [Московский журнал, II (1791)], так и грубое пожелание-проклятие (укр. *Щоб ти зів'яв був, невіглазе, як та морковочка...!* (О. Довженко) ‘Чтоб ты завял, невежда, как та морковочка...!’; бел. *Бадай ты спрогся быў, тупіца!* (Я. Колас) ‘Чтоб ты изжарился, тупица!’). Оптативное употребление плюсквамперфекта известно в верхнелужицком, хотя и не вошло в литературную норму [Werner 1996 : 138]. Значения вежливой просьбы (*Бях ви помолит да ми запазите една книга* ‘Я бы хотел взять у вас почитать одну книгу’), «мягкого императива» (*Да бяхте поспали малко!* ‘Поспали бы вы немножко!’) и ирреального оптата (*Ех, да бях се родил тогава!* ‘Эх, родился бы я тогда!’) отмечены в болгарском [Movchan 2013: 115–117].

13. Эвиденциальность

Эвиденциализация плюсквамперфекта распространена в южнославянских языках, где схожее развитие претерпевает сама I-форма (они входят в балканский ареал, а тот, в свою очередь, в так называемый эвиденциальный пояс Старого Света; ср. в ареальном контексте, в том числе западноевропейском, [Levin-Steinmann 2004]). Прежде всего это болгарский язык, где сверхсложная форма типа (*e*) *бил чел* отвечает за ряд эвиденциальных значений в плане прошедшего (ренарратив, конклюдив, дубитатив). Ср. знаменитый пример Л. Андрейчина, где выражено недоверие сообщаемой информации: *Война няма. Аз не съм чувал да има война. — Нямало било война! Вземи вестника и ще видиш...* (цит. по [Фридман 1983: 121]) ‘Войны нет. Я не слышал, чтобы

была война. — Ну да, как же, «нет войны!»! Возьми газету и увидишь...», причем обычный плюсквамперфект не может описывать информацию, которая ставится под сомнение: **Иван ми каза, че Петър беше дошъл, но аз не вярвам* ‘Иван сказал мне, что Петр пришел, но я не верю’. В македонском языке сверхсложная форма носит эвиденциализированный и маргинальный характер: один из информантов в исследовании [Graves 2000: 493] употребил ее при сочетании значений ‘аннулированный результат’ и ‘эвиденциальность’. За первое значение отвечает македонский перфект с глаголом ‘иметь’, за второе — л-перфект (но без связки): *Koj ja имал изградено оваа куќа?* ‘Кто строил этот (разрушенный) дом?’ Возможно, те или иные семантические обертоны, связанные с выражением значения «косвенной засвидетельствованности» (вывода о положении дел на основании наблюдаемых результатов), отмечены и в словенском (ср. [Pogorelec 1961]).

14. Итоги

Возвращаясь к представленным выше данным А. Барентсена [Барентсен 2005а] о частотности плюсквамперфекта в параллельном корпусе, можно дополнительно кратко охарактеризовать преимущественную семантику встретившихся в изученных нами параллельных текстах форм. Только верхнелужицкий (и в меньшей степени болгарский) отражает таксисное употребление, свойственное для средневропейского стандарта. В словенском (западные говоры и архаические употребления) и чешском представлены только ирреальные контексты с плюсквамперфектом кондиционала. В наследниках сербохорватского, македонском и отчасти болгарском важную роль играет результатив в прошедшем и подчеркивание временной последовательности. В украинском и белорусском формы слишком редки, чтобы сделать определенный вывод об их частотных предпочтениях; русское *было* в большинстве из межъязыковых соответствий с плюсквамперфектом не участвует.

Славянские формы плюсквамперфекта богатый набор типологически известной семантики, в котором центр тяжести переносится с чисто темпоральной ретроспективности (за исключением случаев разрешения неоднозначности) на прагматическую и дискурсивную маркированность (что также известно для плюсквамперфекта типологически).

Литература

- Андріїв 2016 — Андріїв О. Б. Функціонування плюсквамперфекта у німецькій і давноминулому часу в українській мовах. Дис. ... канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2016 (http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_andriiv.pdf).

- Барентсен 2015а — *Барентсен А.* Наблюдения о встречаемости плюсквамперфекта в переводах евангелий на славянские языки // В пространстве лингвистической славистики. Сборник научных статей. В честь 65-летия академика Предрага Пипера. Белград, 2015. С. 135–160.
- Барентсен 2015б — *Барентсен А.* Вид и плюсквамперфект в славянских языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. Киото, 2015. С. 14–20.
- Вострикова 2010 — *Вострикова Н. В.* Типология средств выражения экспериментивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2010.
- Жукова, Шевелева 2010 — *Жукова Т. С., Шевелева М. Н.* «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 171–191.
- Князев 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304.
- Козлов 2015 — *Козлов А. А.* О механизме грамматикализации конструкции *чуть (было) не* // Доклад на семинаре «Некоторые применения математических методов в лингвистике», декабрь 2015, МГУ.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. М., 2011. С. 798–837.
- Майсак, Татевосов 2001 — *Майсак Т. А., Татевосов С. Г.* Ядерные формы глагольной парадигмы // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / А. Е. Кибрик (ред.-сост.). М., 2001. С. 345–366.
- Маслов 1956 — *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Маслов 1984/2004 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984; переиздано: *Маслов Ю. С.* Избранные труды. М., 2004. С. 21–302.
- Молошная 1996 — *Молошная Т. Н.* Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 564–573.
- Ницолова 2009 — *Ницолова Р.* Таксис в болгарском языке // Типология таксисных конструкций / Храковский (ред.) 2009. С. 117–160.
- Падучева 2010 — *Падучева Е. В.* Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 5–25.
- Падучева 2016 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях / Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). М., 2016. С. 25–75.
- Паулини 1982 — *Паулини Э.* Краткая грамматика словацкого языка. М., 1982.
- Пенькова 2018 — *Пенькова Я. А.* Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности, эволюция // Настоящий сборник.

- Петрухин 2004а — *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. 28. 2004. P. 73–107.
- Петрухин 2004б — *Петрухин П. В.* Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / Ю. А. Ландер, В. А. Плуноян, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2004. С. 313–329.
- Петрухин 2004в — *Петрухин П. В.* Рец. на кн.: Rosanna Benacchio. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Societa Filologica Friulana, 2002 // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 134–138.
- Петрухин 2007 — *Петрухин П. В.* *Жили-были*: вопрос закрыт? // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 268–282.
- Петрухин 2008 — *Петрухин П. В.* Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Дискурсивные категории / В. А. Плуноян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2008. С. 213–240.
- Петрухин 2013 — *Петрухин П. В.* К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge*. 1. 2013. S. 74–98.
- Петрухин, Сичинава 2006 — *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М., 2006. С. 193–214.
- Плуноян 2001 — *Плуноян В. А.* Антираезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.
- Плуноян 2004 — *Плуноян В. А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 273–291.
- Плуноян 2016 — *Плуноян В. А.* К типологии перфекта в языках мира: предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 2. 2016. С. 7–36.
- Пожарицкая 2015 — *Пожарицкая С. К.* Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // *Исследования по славянской диалектологии*. М., 2015. Т. 17. С. 373–403.
- Попова-Боттино 2009 — *Попова-Боттино Т. Л.* Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // *Вопросы языкознания*. № 4. 2009. С. 72–86.
- Поповић 2012 — *Поповић Љ.* Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику // *Јужнословенски филолог*. LXVIII. 2012. С. 113–145.
- Русановский (ред.) 1986 — *Украинская грамматика* / Русановский В. М. (ред.). Київ, 1986.
- Сичинава 2004 — *Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292–312.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2016 — *Сичинава Д. В.* Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 2. 2016. С. 85–114.

- Сичинава 2018а — *Сичинава Д. В.* Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // *Rhema — Рема*. 2018. № 1. С. 82–101.
- Сичинава 2018б — *Сичинава Д. В.* Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков // *La relation temps/ aspect: approches typologique et contrastive* / Milliaressi T. (ed.). Lille, 2018. P. 93–99.
- Сичинава 2018в, в печати — *Сичинава Д. В.* Славянский плюсквамперфект: пространство возможностей // *Вопросы языкознания*. 2018 (в печати).
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016»*. Вып. 3. М., 2016. С. 280–289.
- Стевановић 1969/1989 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик: граматички системи и књижевнојезичка норма. II. Синтакса. 4 издање. Београд, 1989 (1 изд. 1969).
- Тер-Аванесова 2016 — *Тер-Аванесова А. В.* Формы, восходящие к плюсквамперфекту, в муромских говорах. Рукопись.
- Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования 1998–1999*. [Вып.] 14. М., 2000. С. 134–143.
- Фридман 1983 — *Фридман В.* Значение на отдавна минало време за историята на българския език // *Исторически развой на българския език*. Доклади. Т. 1. София, 1983. С. 111–126.
- Хабургаев 1974 — *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974.
- Хабургаев 1986 — *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1986.
- Храковский (ред.) 2009 — *Типология таксисных конструкций*/Храковский В. С. (ред.). М., 2009.
- Храковский 2015 — *Храковский В. С.* Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // *Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнознавства: Зб. наук. праць*. Київ, 2015. С. 287–298.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2015 — *Шевелева М. Н.* Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта...» // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 2 (30). С. 180–209.
- Широкова 1961 — *Широкова А. Г.* Чешский язык. М., 1961.
- Barentsen 1986 — *Barentsen A. A.* 1986. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, 1986. Vol. 8. P. 1–68.
- Benacchio 2002 — *Benacchio R.* I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Udine, 2002.

- Berger 2012 — *Berger T.* Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit // Vortrag auf dem 11. Deutschen Slavistentag. Leipzig, 4. Oktober 2012 (материалы доступны на странице <http://www.slavistik.uni-tuebingen.de/m/berger/handout.html>).
- Bertinetto 2014 — *Bertinetto P. M.* Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose // Evolution in Romance Verbal Systems / Labeau E., Bres J. (ed.). Bern etc., 2014. P. 145–170.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Faßke, Michalk 1981 — *Faßke H., Michalk S.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
- Graves 2000 — *Graves N.* Macedonian — a language with three perfects? // Tense and Aspect in the Languages of Europe / Dahl Ö. (ed.). Berlin; New York, 2000. P. 479–494.
- Havránek, Jedlička 1960 — *Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1960.
- Herrity 2000 — *Herrity P.* Slovene: A Comprehensive Grammar. London, 2000.
- Horák 1964 — *Horák E.* Predminulý čas v slovenčine // Slovenská reč. 1964. R. 29. № 5.
- Ivančič Kutin 2004 — *Ivančič Kutin B.* 2004. Pripovedovalci in njihove pripovedi na Bovškem // Bovški zbornik: ob 800-letnici prve pisne omembe župnije Bovec. Tolmin, 2004. S. 179–196.
- Kagan 2011 — *Kagan O.* The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // Linguistics and Philosophy. Vol. 34. 2011. P. 57–84.
- Klein-Andreu 2011 — *Klein-Andreu F.* Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of -ra in Spanish // Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance / Fleischman S., Vaughn L. (eds.). London, 1991. 164–178.
- Klemensiewicz 1985 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Levin-Steinmann 2004 — *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen *l*-Periphrase. Munchen, 2004.
- Merše 1997 — *Merše M.* Predpreteklik v Dalmatinovi Bibliji // Jezikoslovni zapiski. Letn. 3. št. 1. 1997. S. 9–24.
- Movchan 2013 — *Movchan Y.* Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen // Anzeiger für slawische Philologie. XLI. 2013. S. 109–131.
- MSJ 1966 — Morfológia slovenského jazyka. Bratislava, 1966.
- Plungian, Auwera 2006 — *Plungian V., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals. Vol. 59. 4. 2006. P. 317–349.
- PMČ 2008 — Příruční mluvnice češtiny. Praha, 2008.
- Pogorelec 1961 — *Pogorelec B.* O pluskvamperfektu v knjižni slovenščini // Jezik in slovstvo. L. 6, Št. 5. 1961. S. 152–160
- Saloni 2007 — *Saloni Z.* Czasownik polski: odmiana, słownik. Warszawa, 2007.
- Silić, Pranjković 2007 — *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2007.

- Squartini 1999 — *Squartini M.* On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology* 3. 1999. P. 51–89.
- Thomas 2000 — *Thomas P.-L.* Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // *Passe et parfait (Cahiers Chronos, 6)* / Carlier A., Lagae V., Benninger C. (eds.). Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 117–131.
- Thomas 2004 — *Thomas P.-L.* Плусквамперфекат — жива граматичка категорија савременог српског језика? // *Научни скуп слависта у Вукове дане.* 33/1. 2004. С. 111–122.
- Toporišič 2000 — *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Četrta izdaja. Maribor, 2000.
- Werner 1996 — *Werner E.* Studien zum sorbischen Verbum. Bautzen, 1996.